

ПРОСТО -- ЛАВРЕНТЬЕВ

Анатолий Ладинский,
главный архитектор СО АН СССР.

"Так даже теплее"

В нашей стране издавна повелось: чем больше человек известен, чем больше он любим, тем проще его в народе называют. Пушкин, Гоголь, Толстой, Королев, Тимирязев: И не надо никаких определений. Лаврентьев давно уже получил такое признание -- и у нас, и за рубежом его звали просто Лаврентьевым.

Мне довелось больше двадцати лет почти ежедневно встречаться с Михаилом Алексеевичем. На окружающих он производил огромное впечатление. Прежде всего, думаю, своей бескорыстной принципиальностью. Когда Михаил Алексеевич пришел к убеждению, что страна и наука многое теряют из-за того, что во всей Сибири, на всей территории восточнее Урала работает только один член--корреспондент, а все остальные -- в Москве, Ленинграде, Киеве, то он сделал все, чтобы получить поддержку в правительстве для реализации благородной идеи -- движения науки на восток. А когда решение состоялось, Михаил Алексеевич сейчас же сдал свою московскую квартиру, подмосковную дачу и со всеми домочадцами и учениками переехал в Новосибирск. В Сибирь -- не на время, а на всю жизнь!

Для создаваемого Сибирского отделения АН СССР освободили в центре города четырехэтажное здание, предоставили ученым благоустроенные квартиры. Но "неистовый" Лаврентьев со всей семьей (детьми, внуками) и учениками поселился в оптимальной для сибирской науки "точке" -- в лесу, на побережье Обского водохранилища, в ставшей потом знаменитой "Золотой долине". В 1958 году там не было ничего, кроме небольшого бревенчатого домика -- сторожки лесника и четырех сборно--щитовых (в просторечии -- "сборно-щелевых") бараков. Никакого благоустройства, никаких дорог! Он сразу организовал здесь и свою жизнь, и жизнь "научного десанта", сразу начал работать сам, и это, конечно, очень ускорило создание Академгородка.

Такая еще деталь. Когда в Академгородке начали строиться жилые дома -- а мы их строили раньше институтов, то разгорелась острая дискуссия. Многие, особенно ленинградцы, привыкшие к высоким квартирам, хотели и в Сибири иметь такие же. Мы же считали, что, взяв курс на дома с квартирами сниженной высоты (но полностью благоустроенными, с отдельными комнатами), мы сможем за те же деньги построить больше жилья. В ходе дискуссии выяснилось, что у Лаврентьева, в его сторожке, потолок на двадцать сантиметров выше, чем в квартирах, которые мы рекомендуем. Что сделал Лаврентьев? Взял и с помощью строителей "опустил" потолок своего дома на двадцать сантиметров. Вера Евгеньевна, его жена, говорила: "Так даже теплее".

Позже, когда энергично строившийся Академгородок стал "городом", в который ежемесячно и еженедельно съезжались гости отовсюду, семью Лаврентьевых

уговорили (с большим трудом) перебраться "для представительства" в построенный рядом с "избушкой" двухэтажный восьмикомнатный коттедж, где были гостиная, бильярдная, где можно было достойно принять гостей. И двух лет не вытерпела семья Лаврентьевых "удобную" жизнь в комфортном доме -- возвратилась в свой рубленый деревянный домик, оставив большой коттедж 26 для приема "уважаемых гостей".

А как он поступил со своим институтом? Каждый руководитель мечтал о скорейшем новоселье своего коллектива. Конечно, и Лаврентьев с нетерпением ждал, когда будет построен его собственный институт -- гидродинамики, первый в научном центре. А когда здание было готово, он разделил его ровно на шесть частей, взял себе одну, а пять шестых отдал другим институтам. Его примеру последовали и геологи, вторыми получившие собственное здание. Таким образом, через полтора года уже двенадцать институтов "жили" на площадке Академгородка. Это дало нам колоссальное преимущество, мы могли в первые же годы построить больше школ, детских садов, ясель, квартир. А институты, хоть и в тесноте, но работали все.

Общеизвестно, что Лаврентьев был ученым знаменитым -- членом одиннадцати академий мира. Но, по--моему, он был еще и великим человеком -- в человеческом понятии. Академгородок -- это не просто собрание отдельных ученых. Это создание нового коллектива, объединенного общей идеей научного творчества. Качества гражданина и человека, присущие Лаврентьеву, сыграли не меньшую, а может быть, даже и большую роль в становлении нашего Академгородка, чем его работа как ученого.

1980-й год.

"Сначала -- детские сады"

Первое и главное в его характере -- это великий патриотизм, любовь к Родине, к Сибири! Никогда, даже в тяжелые минуты, под влиянием какой-нибудь горькой обиды, мы не видели у Лаврентьева обзления на Родину. Недруги Лаврентьева (а их, к сожалению, было немало) в последний год его жизни распространяли злословный слух -- "Лаврентьев собирается доживать во Франции".

Он действительно любил Францию и французов, дружил с французскими учеными, сам был "французским академиком", кавалером ордена Почетного легиона. Но никогда и нигде он не говорил о желании покинуть Родину. Думаю, и в мыслях он не допускал для себя такой возможности.

Вторая доминирующая черта характера Лаврентьева -- чувство личной ответственности за все, что делается в сибирской науке, и в целом по Сибири. Зная трудности страны, Лаврентьев не на словах, а на деле заботился об экономии средств, отпускаемых на строительство первого научного центра в Сибири. И в том, что новосибирский Академгородок уложился в утвержденную для него правительством смету, -- большая личная заслуга Лаврентьева, умевшего, как оказалось, оценивать не только научные, но и хозяйственные задачи.

Когда в 1965 году председатель Совета Министров СССР А.Н.Косыгин утверждал акт приемки первой очереди Академгородка, он дописал чернилами на официальном документе: "Отметить, что стройка вложилась в утвержденные для нее ассигнования". Лаврентьева приписка порадовала -- и как заслуженная награда, и как знак доверия к инициативам Академгородка в будущем.

По мнению Лаврентьева, основанному на огромном организационном опыте, чрезмерная численность сотрудников в институте не помогает, а мешает эффективному руководству коллективом. Оптимальным -- для успешного управления -- ему представлялось количество в 600--700 человек. При этом он тут же

рассчитывал, сколько такому коллективу нужно площадей и в каких лабораториях, сколько потребуется квартир, мест в детских садах и т.д.

Диспропорции в развитии научного центра -- наука без одновременного (еще лучше - опережающего) создания тылов -- только замедлят движение к цели, а не ускорят его. Такова была "идеология" Лаврентьева, и в согласии с ней формировался Академгородок.

Выбор приоритетов -- трудная задача для любого крупного руководителя. Лаврентьев понимал, что сразу все не построишь, нужна "очередность", и здесь он проявил редкую для Сибири дальновидность. В годы рождения Академгородка мы, строители, получали от Лаврентьева твердые установки: "Прежде всего -- жилье, детсады, школы, больницы, дороги. Без этого людей в новом центре не удержишь".

Когда подошли к институтам, М.А. первоочередным объектом назвал Институт ядерной физики, который быстрее других

сможет обеспечить нашей стране приоритет в науке.

Свою "Гидродинамику" он никогда не выдвигал на первый план, его ученики даже обижались на него за отставание некоторых объектов (например, мастерских). Мог, казалось бы, порадовать "своим" -- никто бы его за это не осудил. Но он -- не мог. Не та натура.

... В последний путь Лаврентьева провожал весь Академгородок -- от мала до велика. Именно что от мала -- фымышата, кютовцы, юные фехтовальщики: детвора, хорошо знавшая великого Человека. Он щедро дарил детям себя, свое время, свою изобретательность. Бесследно, надеюсь, такие впечатления детства не проходят...
Фото Г.Кустова и Р.Ахмерова.

1983 год.

стр.